

"Кинули"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Кинули без матери

Кинули — это львёнок. Родился он в Зоопарке.

Назвала я его так потому, что его кинула мать. Почему львица не стала кормить детёнышей — сказать трудно. Они ползали по клетке, пищали, а она ходила мимо них и как будто не замечала. На другой день после рождения трое львят погибли, а четвёртого, самого маленького, успела забрать я.

Львёнок был совсем холодный и не двигался. Можно было подумать, что он мёртвый и только чуть заметное дыхание указывало на то, что он ещё жив. Надо было как можно скорее его отогреть. Но где и как, я не знала. Потом вспомнила: в страусятнике стоял заряженный инкубатор, в котором выводили цыплят. Я скорее побежала туда, освободила в инкубаторе небольшое местечко, постелила тряпочку и положила львёнка.

В этот день я домой не пошла: осталась дежурить у малыша, а чтобы дома не беспокоились, позвонила и сказала: «Ждите меня завтра со львёнком». Мама в ответ только ахнула, а соседка, которая взяла трубку, как узнала, что я хочу привезти домой льва, такой подняла крик, что сбежалась вся квартира. Потом все наперебой кричали, что меня выселят, что заявят в милицию, и вообще было столько крику и угроз, что я не дослушала и повесила трубку.

На другой день я отправилась со своим новым питомцем домой.

Шёл дождь. Было холодно. Чтобы не простудить львёнка, я положила его за пазуху и села в трамвай. От движения ли трамвая или оттого, что меховая подкладка моего пальто напоминала львёнку мать, не знаю, только он неожиданно завозился. Напрасно я старалась незаметно поглаживать малыша, чтобы его успокоить, — ничего не помогало. Он больно царапался острыми коготками, старался выкарабкаться и вдруг пронзительно мяукнул. Мяукнул — если только можно так назвать этот протяжный, хриплый звук, похожий на скрип двери.

Все пассажиры мгновенно обернулись и с удивлением посмотрели на меня. Не желая, чтобы на меня обратил внимание кондуктор, я поспешила выйти на площадку.

Следом за мной на площадку вышел какой-то гражданин. Он помялся и нерешительно спросил, кто это так странно кричал у меня за пазухой. Я показала ему львёнка, рассказала, откуда его взяла, попросила никому не говорить о львёнке, чтобы меня не высадили из трамвая. Однако, как видно, гражданин слово своё не сдержал, и пока я доехала до площади Пушкина, у меня перебивал весь вагон. Все хотели посмотреть львёнка, а когда я выходила из вагона, высунулся кондуктор и закричал:

— Гражданка, что же вы мне-то льва не показали?

Пришлось показать и ему.

По дороге я зашла в аптеку, чтобы купить соску. Мне нужна была самая обыкновенная соска, из которой кормят грудных детей, только мягче. Долго искала я нужную. Одна была слишком жёсткая, другая — большая, третья маленькая. Продавщица мне меняла их несколько раз. Но я никак не могла подобрать годную. Наконец продавщица потеряла терпение и заявила мне, что если я сама не могу выбрать соску, пусть приходит мать. Пришлось объяснить, что мать — львица, сидит в клетке и прийти не может, что каждая потерянная минута будет стоить львёнку жизни. В доказательство мне пришлось показать продавщице самого львёнка.

Я никогда не думала, что это произведёт такое впечатление. В одну минуту передо мной лежали все соски аптеки. Вероятно, у продавщицы это был первый случай, когда она продавала соску не для ребёнка, а для звериного детёныша. Уже общими усилиями мы выбрали подходящую соску, и я отправилась домой.

Дома нас ждала вся квартира, но в этот день я лвьёнка никому не показала. Нужно было приготовить ему местечко, согреть его, накормить. Ящика у меня не было. Пока мой сынишка Толя выбрасывал из чемодана вещи, я отпарывала мех от своей шубы. Он напоминал шерсть львицы, и Кинули в нём лежала спокойно. Тельце новорождённого выделяет недостаточно тепла. Наверно, каждый видел, как подпихивает под себя детёнышей собака, согревает их своим теплом. У лвьёнка матери не было, и чтобы согреть его, я клала бутылки с кипятком под мех, и лвьёнок в этом гнёздышке лежал, как будто около матери.

Слух о том, что у меня живёт лев, быстро облетел весь наш дом. К нам приходили какие-то незнакомые люди поодиночке и компаниями, долго извинялись и просили показать им льва. В комнату они входили осторожно. Смотрели на лвьёнка с некоторым разочарованием — уж очень он был мало похож на взрослого льва — и всё-таки подолгу и внимательно его разглядывали, потом благодарили и так же осторожно выходили. На прощание советовали быть осторожней и беспокоились, как бы лвьёнок не съел меня, когда вырастет.

Все жильцы очень полюбили Кинули, и только моя домашняя работница Маша с первого дня невзлюбила лвьёнка. Ей приходилось целыми днями открывать и закрывать двери за посетителями, наводить в комнате чистоту, так как Кинули вносила очень много беспорядка. Наша небольшая комната превратилась не то в ясли, не то в лабораторию: вата, вазелин, борная, соски, клизмочки — словом, всё, что нужно, чтобы выкормить младенца, находилось тут, а лвьёнку нужно было многое.

Кормила я его через каждый час. Как только Кинули просыпалась, я ей давала пузырёк тёплого молока. Пузырёк был крошечный, на две столовые ложки, и кормить Кинули приходилось очень часто, так как в день она выпивала молока целый литр. Чтобы молоко подходило по составу к львиному, я брала сливки и разбавляла их водой. Лвьёнок перебирал лапками и громко чмокал, высасывая свою порцию.

Возиться со лвьёнком приходилось круглые сутки.

Когда Кинули спала, вся квартира погружалась в тишину. Все ходили на цыпочках и разговаривали шёпотом, а ребяташки оберегали покой лвьёнка не хуже взрослых. Не считалась с ним только Маша. Она нарочно гремела в кухне кастрюлями и ругалась: «Завели тут всякую дрянь». А «дрянь» спокойно лежала в чемодане и посасывала пустышку. Она так старательно сосала её даже во сне, что натёрла себе кружком нос. Пришлось соску отнять. Но Кинули так к ней привыкла, что совсем перестала спать, тыкалась всюду носиком, кричала.

Выручили ребяташки. Толя, Леня, Славик, Галя и Юрик устроили около Кинули настоящее дежурство. Они составили даже расписание. Кормили её и следили, чтобы Кинули не кричала. Ребята очень гордились доверенным им делом и хвастались во дворе, что ухаживают за лвьёнком.

Тем временем я занималась поисками собаки. Одной мне было очень трудно, а собака могла облегчить мою заботу о лвьёнке. После долгих и упорных поисков я остановилась на Пери. Пери — это шотландская овчарка, жила она в зоопарке. Молока у неё не было, но она была очень добрая и послушная — никогда не трогала животных.

К новому своему подкидышу Пери отнеслась недоверчиво. Он совсем не был похож на тех зверей, с которыми она встречалась. Когда я положила к ней львёнка, собака зарычала, старалась удрать. Пришлось держать её силой. Но постепенно Пери привыкла к своему необычному питомцу, стала его вылизывать, а это означало, что Кинули усыновлена. Теперь можно было не бояться, что Пери её обидит или бросит. Наоборот, когда подходили чужие люди, она беспокойно ворчала, оберегая львёнка, боясь, как бы его не обидели. В собаке, у которой даже не было молока, вдруг проснулся материнский инстинкт.

Спала Кинули теперь в ящике от гардероба. Ночью я по-прежнему клала ей горячие бутылки; кормила уже реже. Львёнок хотя медленно, но рос. Я уже не так боялась за его жизнь: самое опасное время прошло. На работу я ходила урывками. Маша по-прежнему сердилась, и, уходя, я оставляла около львёнка дежурить практикантов.

На шестой день у Кинули открылись глаза. Сначала левый глазок, потом правый. Глазки были похожи на щёлки и слезились. Ушки у неё поднялись, а ярко-красные губы стали розового цвета. Меня Кинули узнавала сразу. Пила ли она молоко, спала или лежала около Пери, стоило мне только поднести к ней руку, как Кинули всё бросала и ползла ко мне.

Мой сынишка Толя следил за каждым движением львёнка: «Мама, мама, смотри: Мяученька мой палец лижет!», «Мама, она ползёт, повернула голову!». Толя даже обижался, что я назвала львёнка «Кинули». «Ведь мы его любим и совсем не кинули! — жаловался он. — Назовём его лучше «Мяученька» или «Синий глазок». А глазки у Кинули были действительно синие. Такие синие, что почти не было видно зрачка. Видела Кинули плохо. Идёт по комнате и на всё натывается. Уткнётся головой в ножку стула, а как обойти её — не знает. Постоит, постоит и повернёт обратно. Ходила Кинули вперевалочку, как утка. Ноги у неё заплетались, и падала она не на бок, а сразу на спину, совсем как заводная игрушка.

Необыкновенная квартирантка

Со всех концов Союза я получала каждый день письма. Писали дети, старики, женщины. Люди разных специальностей и званий. Присылали конверты с обратным адресом, свои фотографии, стихи, посвящённые Кинули, и все просили написать ответ.

И чего только не писали!

Беспокоились, чтобы Кинули нас не съела. Спрашивали, как ведёт она себя дома и сколько времени думаю её держать. Просили чаще сообщать о ней по радио и обязательно написать книгу. Находились и такие любители, которые спрашивали, где можно достать на воспитание ещё одного львёнка, а если нельзя, то какого я могу им посоветовать взять зверя.

Сначала я пыталась отвечать на эти письма, потом пришлось отказаться. Писем приходило так много, что наш почтовый ящик перестал их вмещать, а почтальон жаловался, что обслуживает только нас.

Не меньше интересовались львёнком и репортёры. Чуть ли не каждый день приходили они к нам. Снимали, как Кинули ест, пьёт, спит, как вылизывает её шерстку Пери.

Маша всё ещё ворчала на Кинули, но теперь уже меньше. Она даже стала мне помогать, а однажды вдруг заявила, чтобы я больше не звала практикантов. «Ребёнка доверила, а за всякую дрянь боишься. Не бойся, не хуже их управлюсь». И верно. Маша управлялась неплохо. Так же как когда-то Толю, она в строго назначенное время кормила Кинули. Её посуда

блестела, а салфеточки, которыми вытирали львёнка, были всегда выстираны и выглажены. Когда Кинули пила молоко, она упиралась лапками в Машины руки и сильно царапалась. Глубокие царапины оставались на руках Маши, но Маша не сердилась. Она даже шила для неё пелёнки, перестала звать дрянью, а называла головастиком.

А голова у львёнка действительно была большая, ножки короткие, толстые, а туловище длинное. Крик у Кинули казался сначала одинаковым, потом я стала замечать разницу. По крику узнавала настроение львёнка: чего ему хочется, как он себя чувствует.

Однажды Кинули заболела. Я это заметила, когда она была ещё совсем весёлой. Домашние надо мной смеялись, говорили, что я мнительная, что мне это кажется. Но я оказалась права. На другой день Кинули лежала и ничего не ела. Проболела она десять дней. Всё это время я почти не спала по ночам, поминутно вскакивала, прислушивалась к её дыханию, согревала больную горячими бутылками.

Утром тихо стучались в комнату соседи, спрашивали о здоровье львёнка.

Когда Кинули поправилась и подросла, я стала пускать её по всей квартире. Она спокойно разгуливала по коридору, ванной, кухне, а жильцы очень осторожно ходили, чтобы не наступить на львёнка. Кинули хорошо знала жильцов. У неё были даже свои симпатии и антипатии. Одних она любила, ходила к ним в гости, ласкалась, а на других шипела. Особенно на Марию Фёдоровну — возможно, потому, что у Марии Фёдоровны был громкий, резкий голос, и львёнку это не нравилось. Узнавала Кинули жильцов и по шагам. Одна соседка уехала, когда львёнок был совсем маленьким. Вернулась, когда ему исполнилось два месяца. Услышав её шаги, Кинули насторожилась, крадучись и беспокойно шевеля ушами, подошла к двери и долго, долго прислушивалась.

Меня Кинули узнавала по голосу, по шагам, по запаху. Как только я входила в комнату, она тут же бросалась ко мне и ласкалась.

Кинули была очень весёлой и любила играть. Бывало, придут к ней ребята, станут у дверей и шепчут в замочную скважину: «Кинули! Иди сюда, Кинули!» А Кинули словно понимает: вскочит — и к двери. Поднимется на задние лапки, передней за ручку потянет, откроет и выскочит в коридор. А в коридоре уже никого нет: попрятались ребята. Ходит Кинули, ищет их. Ищет в тёмной ванной, за дверями, в передней. Везде посмотрит. Найдёт и сама прячется. Самое её любимое место было за шкафом. Место узкое, тесное, Кинули в нём едва умещалась. Знают ребята, где спрятался львёнок, да найти сразу нельзя обидится: уйдёт и больше играть не будет. Ходят ребята, смеиваются, а сами делают вид, что найти не могут. Друг друга спрашивают: «Где Кинули? Куда делась Кинули?» И так до тех пор ищут, пока она сама не выскочит.

Самой интересной игрой считалась «охота на льва». Ребята выходили в коридор и делились на две партии. Одна становилась в одном конце, другая — в другом, а посередине — Кинули. Притаится и ждёт. Вон Юра бежит быстро-быстро мимо львёнка. Прыгнет Кинули, словно кошка на мышь. Поймает за ноги — значит, охотник убит, заденет — ранен, а ушёл — проиграла сама. Только проигрывала она редко, а как стала побольше, не проскочит никто: обязательно поймает.

Весело было Кинули с ребятами. Зато как скучала она, когда разъехались ребята летом по дачам! Уехали и Толя с Машей. С дороги Толя писал: «Дорогая мама, не знаю, как быть: ехать дальше или вернуться обратно, потому что скучно без Кинули». Скучала и Кинули. Она привыкла целые дни возиться, играть. Теперь же, когда я уходила на работу, она оставалась с

Пери, а Пери была собака спокойная и играть не любила. Тогда я решила взять для Кинули в товарищи рысёнка.

Таска

Как и Кинули, Таска родилась в Зоопарке. Её мать, большая жёлтая рысь, первые два месяца заботливо ухаживала за своими малышами: вылизывала их, кормила, а если кто-нибудь из посетителей слишком близко подходил к решётке, бросалась. Росли рысята хорошо. Они уже начали есть мясо, вылезали из домика, играли. В такие минуты около клетки собиралось много народу. Всем хотелось посмотреть на игры зверюшек, подойти поближе, и, возможно, поэтому их стала таскать мать. Она взяла рысёнка и всё бегала с ним по клетке. Напрасно кричал и вырывался малыш — ничего не помогало. Не помогли и крики публики. Когда прибежал служитель, уже было поздно: рысёнок лежал мёртвый, а рысь таскала другого. С большим трудом отняли его у матери.

Передняя лапка его была сломана, а повреждённый глаз затянуло плёнкой. Из всех оставшихся рысят он был самый слабый — такой маленький, худой, скучный. Спрячется в домик и сидит там целый день.

Рысёнок был настолько плох, что я решила взять его домой. На другой же день спросила разрешения у директора, завернула малыша в халат и повезла. Приехала, поднимаюсь по лестнице, а сама волнуясь: как-то меня дома встретят? Отпираю дверь, вхожу в комнату, а муж смотрит, что это я такое принесла. Вынимаю я рысёнка, а он как закричит:

«Это что за гадость? Тебе что, льва мало? Или завтра ещё слона приведёшь?» Тут уж я не стерпела: «Во-первых, это не гадость, а рысь; во-вторых, была бы комната больше, я и слона бы привела». Ничего не ответил муж, только рукой махнул. Впрочем, он тут же вернулся и стал мне помогать устраивать рысёнка.

Мы посадили рысёнка в ящик, поставили туда блюдечко с молоком, положили мяса и закрыли досками. Жильцам о новом питомце ничего не сказали: к Кинули они привыкли, любили, а кто знает, как отнесутся к рыси.

Что же касается мужа, то он всё расспрашивал о рысях, потом заявил, что рысёнка возьмёт себе. Сам назовет его, сам будет ухаживать, приручать конечно, если я не обманываю и если это действительно рысь. Утром Шура вскочил чуть свет и помчался к своему детищу. Вернулся он очень разочарованный. Маленькая рысь оказалась совсем не такой ласковой, как он думал: за ночь она обгрызла весь ящик, разлила молоко, а мясо лежало нетронутым. Когда Шура просунул руку, чтобы его приласкать, рысёнок забился в угол и заворчал. Не лучше обстояло дело и с именем. Оказалось, что его придумать нелегко. Спорили долго и горячо. Муж хотел назвать рысёнка Муркой, Муськой, а я — Таскали, потому что её таскала мать. Помирились на Таске. «Северяночка Таска».

Неудачное знакомство

Ящик с незнакомыми звуками и запахами сильно заинтересовал Кинули. Она даже стала хуже есть. Ходила вокруг ящика, вынюхивала, а когда я поднимала доски, чтобы поставить рысёнку корм, Кинули старалась туда заглянуть. Кинули была много больше рысёнка, я боялась за него и откладывала их знакомство. Но мои опасения оказались напрасными.

Однажды я забыла закрыть ящик. Не успела отойти, как тут же появилась Кинули и просунула в открытую дверцу голову. Рысёнок испугался. Он спрятался в угол, заворчал, но Кинули даже не обратила внимания. Рысёнок фырчал, шипел, ворчал, а она всё продолжала лезть. Тогда доведённый до отчаяния, с круглыми от ужаса глазами рысёнок вдруг прыгнул и всеми лапами и зубами вцепился в морду львёнку. А Кинули? Она так растерялась, что даже не пробовала сопротивляться. С рёвом выскочила из комнаты и без оглядки помчалась по коридору. Опомнилась она уже в кухне, ходила из стороны в сторону, била хвостом и нервно мяукала. А рысёнок опять забился в свой угол и сидел, как будто ничего не случилось.

В этот же день к вечеру привезли из Зоопарка клетку и пересадили в неё рысёнка. Новое помещение Таске не понравилось, в ящике она могла уйти в тёмный угол, спрятаться от людей, здесь же была вся на виду. Таска грызла зубами решётку, старалась разорвать её и выйти. Всю ночь она громко и резко кричала, а утром ничего не знавшие соседи спрашивали, какой у меня ещё завёлся зверь.

Следующую ночь Таска кричала ещё сильнее. Даже на улице было слышно. Чтобы заглушить звуки, пришлось накрыть клетку ковром, потом ещё добавить одеяло, матрас, подушки. Словом, была использована вся моя постель, и всё-таки крики Таски были слышны и мешали спать. Тогда я перенесла клетку с рысёнком на балкон. На балконе было спокойнее, и никто туда не ходил. Но Таска всё равно боялась. Вздрагивала от каждого шороха, звука, старалась спрятаться, а если чистили клетку, кидалась на руки, царапалась, кусалась.

Чего только я не делала, чтобы приручить дикарку! Кормила из рук, проводила с ней всё свободное время, а когда уходила, нарочно включала радио, чтобы Таска привыкала к незнакомым звукам.

Скоро она стала меньше пугаться, не бросалась на протянутую к ней руку и даже позволяла себя трогать.

На свободе

Мы выпускаем Таску. Что-то будет? Никто не знал, что станет делать трёхмесячная дикарка, попавшая из клетки зоопарка в дом. Выйдет ли она осторожно и спрячется или начнёт метаться и искать выход? Я страшно волновалась. У меня даже руки дрожали, когда я открывала клетку. Открыв дверцу, я отошла в сторону и стала ждать. Таска продолжала сидеть не шелохнувшись, только взгляд её стал острее да вся как-то подобралась. Потом потянулась, встала и, крадучись, подошла к дверце. Долго не решалась Таска перешагнуть порог. Протягивала то одну лапу, то другую, прислушивалась, осматривалась. Даже смешно было смотреть со стороны. Тут бы выскочить, убежать, а она всё медлит! Я уже хотела её выгнать, когда вдруг Таска сделала первый шаг. Сделала — и отскочила. Можно было подумать, что мягкая лапка коснулась раскалённой печи, а не ковра — так испугалась Таска. Всё здесь было для неё ново, страшно. Она осторожно сделала несколько шагов по ковра и остановилась. Дальше начинался паркет — блестящий, скользкий, незнакомый. Несколько раз ступала и отскакивала обратно Таска. Она была необыкновенно осторожна, эта маленькая рысь. Можно было подумать, что она находится в дремучем лесу, а не в комнате и что её всюду поджидает опасность.

Освоилась она не сразу. Но свобода сделала своё дело, и вскоре Таску нельзя было узнать.

И куда она только не лазила! Казалось, не было места, недоступного ей. Она прыгала по шкафам, залезала на картины, а однажды ухитрилась вылезть из форточки на карниз

соседнего окна. Одним словом, вела себя так, будто жила не в комнате, а в лесу. Скоро она перегнала по росту своих братьев в Зоопарке. Лапки у неё стали красивыми, прямыми, глазки прояснились, а шкурка блестела чистотой. Даже характер и тот изменился. Бывало, войду в комнату, а она фыркнет — и под шкаф.

Теперь же бежала навстречу, тёрлась о ноги и мурлыкала. Мурлыкала совсем как кошка, только громче.

Кормила я её манной кашей, яйцами, мясом. А как она любила мясо! Это было самое любимое её кушанье. Таска хорошо знала то время, когда его получала. Уже заранее беспокоилась, вертелась у двери, кричала, а как только я входила, бросалась к ногам, на лету ловила брошенные ей кусочки, ловко подхватывала лапкой, потом зубами и всегда уносила под шкаф.

Прежде же чем съесть мясо, она обязательно с ним играла: подбрасывала или гоняла перед собой передними лапками, и кусочек становился в её лапах как живой.

Таска подолгу оставалась одна и заметно скучала. Бегала за мной, как собачонка; а когда я уходила из комнаты, тонко и резко кричала. Теперь это был уже не прежний, потерявший мать, озлобленный зверёк, а маленькая рысь, и, как все малыши, она нуждалась в товарище. Тогда я решила попробовать помирить её с Кинули.

Не сошлись характерами

Кинули вошла в комнату так, словно рисёнка в ней никогда и не было. Прямой, уверенной походкой прошла на ковёр и легла. Помня первое неудавшееся знакомство, кончившееся дракой, я на всякий случай приготовила тряпку, но тряпка не понадобилась. Из-под шкафа выглядывала круглая плутоватая мордашка Таски, и глазёнки, совсем не злые, с любопытством следили за львёнком. Интересно они держались, эти похожие и в то же время разные звери. Лежит Кинули, только глазами поводит, а Таска то мимо пробежит, то лапкой ударит, а шелохнётся львёнок — она сразу под шкаф.

С тех пор я стала пускать их вместе каждый день. Кинули, видно, обиду ещё помнила. Держалась так, как будто не замечала рисёнка, а рисёнок хотел познакомиться ближе. Но познакомились они не скоро. Много прошло дней, прежде чем начали мои питомцы играть. Сначала осторожно, не дотрагиваясь друг до друга, на расстоянии. Выскочит Таска из-под шкафа, словно ураган налетит на львёнка, вот-вот, кажется, сшибет, но в последний момент останавливается и издаёт звук, напоминающий отрывистое «гм». Обозначал он ласковый окрик. Таким звуком мать перекликается со своими детёнышами, а Таска предупреждала Кинули, что не хочет ей сделать больно.

Находясь со своими питомцами, я приглядывалась к их движениям, прислушивалась к звукам, старалась их понять, разобраться в них. Иногда мне это удавалось.

Почему так шумно подбегала к львёнку Таска? Почему обязательно со стороны морды? Может быть, она иначе не может? Нет, лапки Таски умеют скользить тихо, неслышно для самого тонкого слуха, и на врага нападает она сзади. Но ведь это не враг! Однако и не товарищ! Они ещё мало знакомы друг с другом, не доверяют. Львёнок может испугаться, ударить, надо его предупредить. И Таска предупреждает. А я сижу, смотрю и думаю: «Пригодятся эти наблюдения в жизни. Если нужно будет познакомиться со зверем, поступлю так же». Да, иногда есть чему поучиться и у животных! Я продолжаю наблюдать, продолжаю учиться.

С каждым днём они подходили друг к другу всё смелее и ближе. Играли обычно так. Таска нападала на Кинули. Ловкая и подвижная, она прыгала вокруг лвьёнка, как резиновый мяч. Близко-близко. И вдруг однажды не рассчитала. Подпрыгнула да прямо на Кинули. Впрочем, нет! Я знаю Таску. Промахнуться она не могла. Сколько раз, когда я катала футбольный мяч, спрыгивала она на него со стола! Ещё в воздухе широко расставляла лапки, и не было случая, чтобы она не рассчитала прыжка. А тут не рассчитала! Я уверена, что сделала она это нарочно... А как они испугались! Как будто обожглись, отскочили друг от друга. Глазёнки сразу стали испуганными, круглыми, злыми. Думала я, что сейчас подерутся. Но зверушки постояли, успокоились и стали играть. Держались они теперь свободней. Иногда кто-нибудь, будто нечаянно, задевал другого, оба насторожённо замирали, пытливо смотрели друг на друга и снова продолжали игру.

Так началось их знакомство. Знакомство, но не дружба, потому что характерами они так и не сошлись. Я чувствую, мой читатель удивлён. Звери — и вдруг не сошлись характерами! Да разве это может быть? Да, может! Я знала много зверей, совсем разных, и они уживались вместе.

В зоопарке было четыре волка, они жили дружно с козой, вместе ели, играли, спали. Между собой они иногда дрались, но с козой — никогда. А Кинули с Таской характерами не сошлись.

Кинули была спокойная, даже немного вялая. Она любила повозиться, но так, чтобы было за что ухватиться, помять, побороться. Рассердить её было очень трудно, а помириться ещё трудней. Надолго запоминала Кинули обиду. Уйдёт, бывало, и не подходит. По нескольку дней злилась. А вот Таска — нет: Таска вспыхнет, бросится, укусит — и всё прошло... Она была полна всяких неожиданностей. Никто никогда не мог сказать, что сделает она в следующую минуту и даже секунду. В противоположность Кинули, Таска не любила ласкаться. Правда, они всё-таки играли между собою хорошо, но друг друга понимали плохо, и из-за этого происходили частые ссоры.

Однажды я дала Таске мясо. Таска его схватила, отнесла и положила около Кинули. Перед едой она хотела поиграть. Но Кинули намёка не поняла. Если дают корм, то, значит, его нужно съесть. Она взяла мясо, поудобней улеглась и принялась за завтрак. Услышав хруст костей, Таска заволновалась. Вся её острая фигурка выражала удивление. В чём дело? Почему так случилось? Ведь она принесла мясо поиграть. Таска бегала вокруг Кинули, заглядывала ей в рот, прислушивалась к хрусту. Попробовала даже взять обратно, но Кинули прижала уши и так рявкнула, что Таска отскочила. Глаза стали сразу злые, неприятные. Я схватилась за тряпку — и вовремя. Обиду Таска не стерпела. Она вся как-то взъерошилась и с похожим на собачье рычание звуком бросилась на Кинули. Пришлось мне вмешаться.

В другой раз Кинули лежала на диване. Хвост её свесился вниз. Таска приняла его за бахрому дивана и больно укусила. Опять ссора. И так бывало по нескольку раз в день.

Вместе тесно, врозь скучно

Виновницей всегда была Таска. Покоя лвьёнку не давала: то дёргала за хвост, то начинала вокруг него прыгать. Закружится бедная Кинули, под стул забьётся, а Таска уже сверху её лапой достать старается. Иногда Кинули обижалась и уходила к себе. Но тут же следом за ней прибежала и Таска. В комнату, где находилась Кинули, Таска входила не сразу. Сначала появлялась её тень — узкая, длинная, потом острое ухо, круглый глаз. Затем всё это скрывалось, а через несколько минут Таска выпрыгивала на середину комнаты и как ни в чём

не бывало издавала приветливое «гм».

У себя в комнате Кинули держалась смелее. Она не боялась так рысёнка, не жалась по углам, а если Таска слишком приставала, не стеснялась дать ей оплеуху. Такое отношение Таске заметно не нравилось. Плутовка старалась заманить львёнка к себе. И чего она только не проделывала! Иногда, наигравшись, она делала вид, что уходит. Поднимала столбиком куцый хвостик и решительно направлялась из комнаты. Кинули бросалась за ней. Забегала вперёд, старалась задержать рысёнка. А маленькая плутовка манила её к своей двери, и всё это для того, чтобы лишний раз поцарапать. Приходилось разнимать их тряпкой. Загоняли в комнату рысь, уводили Кинули. Тогда они скучали. Таска царапалась в дверь, грызла её острыми зубами и так кричала, что было слышно во всей квартире. Крик Таски заметно волновал Кинули. Она ходила по комнате, прислушивалась, просилась обратно к Таске. Я пускала их вместе, и вскоре опять начиналась драка.

Смерть Таски

С каждым днём всё труднее и труднее становилось держать в комнате рысь. Она грызла и рвала всё, что попадалось. Везде прыгала, пачкала, лазила. Мы уже давно убрали всё, что было возможно, и всё-таки это не мешало ей грызть ножки и спинки стульев, рвать диван, и даже резные украшения этажерки носили следы её острых зубов. Пришлось думать о перемещении Таски в зоопарк. Шура сначала не соглашался, просил оставить её, а отдать Кинули. Но когда Таска разорвала новую занавеску и ухитрилась напачкать на картину, он согласился её отдать.

В Зоопарке ей приготовили клетку. Клетка была большая, просторная. Её чисто-начисто вымыли, посыпали песком, а чтобы было где Таске попрыгать, поставили большой сук. Вскоре за ней должна была приехать служительница, чтобы отвезти в Зоопарк. Но отвезти Таску не пришлось.

Утром, когда я вошла в комнату, Таска не бросилась, как всегда, мне навстречу, не откликнулась, когда я её позвала.

В комнате было непривычно тихо. Так тихо, что я испугалась. «Не прыгнула ли в окно?» — мелькнуло у меня в голове. Я сделала несколько шагов и... увидела: неестественно свернувшись клубком, лежала около дивана Таска, а вокруг шеи плотным кольцом обвилась бахрома. Задохнулась ли она в бахrome, нечаянно зацепив её, пробегая мимо или играя, не знаю, но так внезапно оборвалась коротенькая жизнь маленькой Таски.

Опять одна

Кинули, оставшись одна, сильно скучала. Не с кем было повозиться, не с кем поиграть. Кинули просилась к Таске, кричала, ходила около закрытой двери и буквально долбила её лбом. Но в комнату я её не пускала. Нужно было прежде вымыть, убрать, проветрить. Опять поставили статуэтки, повесили занавески, гардины, и комната приняла свой прежний, уютный вид. Ничто не напоминало в ней Таску. И всё-таки я не могла забыть её, и когда заходила туда, мне всё представлялась её длинная, узкая тень. Помнила рысёнка и Кинули. Через три недели, когда я впустила Кинули первый раз в комнату, она влетела так, словно не было этих трёх недель, как будто за каждым углом её поджидала озорная Таска. Но Таски не было. Кинули искала её под шкафом, столом, кроватью. Искала везде, где только мог спрятаться рысёнок, но так и не нашла. Кинули осталась одна.

Потеряв подругу, Кинули затосковала. Плохо ела, весь день лежала, уткнувшись головой в лапы, и вставала очень редко.

Мы всячески старались её развлечь. Купили новый мяч, игрушки. Соседка пожертвовала старые туфли, а сосед притащил свой патефон. Лев и патефон — это не совсем обычно. Когда он заиграл, Кинули испугалась, вся сжалась, забралась в самый дальний угол и никак не хотела выходить. Но любопытство взяло верх.

Долго разглядывал львёнок незнакомый ему предмет. Ходил кругом. Обнюхивал. Отнёсся к нему, как к живому существу, и пробовал напугать. Подойдёт, рыкнет, лапой ударит об пол и ждёт, испугается патефон или нет. Но патефон не пугался, не убежал и по-прежнему оставался на месте. Кинули успокоилась.

Интересно было наблюдать, как относилась она к разным мотивам. Определённо их различала. Одни нравились, другие нет. Когда поставили фокстрот «Жизнь», Кинули подошла ближе, легла. Но вот запел мужской голос. Она оглянулась и зашипела.

Внимательно прослушала вальс и убежала, как только запел многоголосый хор. Хоровые песни её пугали, и она всегда убегала от них на балкон.

Балкон был самым любимым местом Кинули. Если её оттуда выгоняли и закрывали дверь, она вставала на задние лапы и передними дёргала до тех пор, пока дверь не открывалась. Ещё бы, ведь там было так интересно! Можно было влезть на кресло и смотреть, как бегают во дворе ребята, следить за въезжающими автомобилями, лошадьми. С высоты третьего этажа всё казалось маленьким-маленьким, гораздо меньше, чем на самом деле. Вот въезжает машина, ну совсем как Толина игрушечная, с которой она привыкла играть. Кинули срывалась с места, бросалась за ней по балкону.

Но машина удалялась. Кинули разочарованно смотрела вслед, а внизу уже смеялись ребята: «Э-э-э, Кинули, прозевала!»

На новом месте

Вскоре уехал в отпуск мой брат Вася. Жил он в той же квартире, где и мы. Комната у него большая, светлая, с балконом, и на время мы решили перебраться туда. Кинули и Пери отнеслись к переезду по-разному. Пери сразу легла под стол и уснула, а Кинули ходила по комнате, всё нюхала, всё высматривала. Наконец успокоилась и легла. Мы положили для Кинули у двери коврик, но ей там не понравилось, и она устроилась около балкона. Несколько раз я гоняла её оттуда: боялась, что простудится, но Кинули не слушалась, и это место так и осталось самым её любимым.

Вставала она очень рано, раньше нас. Я спала на балконе, и при первом же звуке моего голоса Кинули бросалась ко мне, мяукала, царапалась когтями за выступы двери, подтягивалась, старалась заглянуть через стеклянную дверь на балкон.

Впрочем, она скоро приспособилась: научилась пододвигать кресло. Кресло было очень тяжёлое, даже я двигала его с трудом, а Кинули догадалась. Отойдёт и с разбегу ударит лапами. Отойдёт и опять ударит. Пододвинет вплотную, залезет и смотрит. Хорошо, удобно ей на меня смотреть. Шуру Кинули боялась и к нему никогда не лезла. Зато ко мне сразу прыгала на постель, тёрлась о мою голову, ласкалась, приглашала поиграть.

Сколько раз бывало, чтобы подольше полежать, я притворялась спящей: и глаза закрою и сделаю вид, что сплю, всё равно ничего не помогало. Притвориться не успеешь, а Кинули уж тут как тут, с кровати одеяло тащит. Одно мучение!

Днём, когда балкон заливало солнышко, Пери выходила погреть свои старые косточки, а Кинули — посмотреть на публику, принять солнечную ванну. Ложилась она на самом припёке, обязательно животом вверх, а голову прятала в тень.

Когда тень отодвигалась, двигалась вместе с ней и Кинули. Лежала долго, по нескольку часов, и я очень радовалась, потому что солнышко полезно и для звериных ребят.

Я теперь целые дни проводила на службе. Прибегала домой только во время перерыва, чтобы накормить Кинули.

Ещё в тот момент, когда я вставляла в замочную скважину ключ, узнавала она, что это я. Встречала меня в дверях: прыгала, ласкалась, тёрлась головой. Иногда ложилась у ног, обнимала их лапами и лизала. Она даже ревновала меня к Пери. Ни за что не подпустит и погладить не даст. Только я руку протяну, а Кинули между нами встанет и старается загородить Пери. Пери была собака выдержанная, умная и всегда уступала. Повиляет хвостом издали и отойдёт. А вот Кинули нет. Она и есть не станет, если её не погладишь. Бывало, на работу торопишься, время перерыва кончается, а тут изволь её ласкать да поглаживать! Потом решила — чем мучиться мне так, договорюсь-ка я с соседкой Ксенией Степановной, чтобы она поглядывала без меня за Кинули и её кормила.

Ксения Степановна жила у нас в квартире давно. Ей было семьдесят шесть лет, и все звали ее бабушкой. Звала так и я. Старушка она была добрая, всегда всем поможет. Недаром её все любили. Привязалась к ней скоро и Кинули: уже на второй день, как только бабушка садилась на стул, лезла к ней на колени, играла. Случалось, что нечаянно рвала чулок или фартук, но бабушка не сердилась. Даже больше — скрывала от меня — вдруг да попадёт её любимице! Очень любила она Кинули. И молока лишний раз даст, и посуду хорошо помоеет.

И всё-таки, уходя на службу, я волновалась. А вдруг Кинули откроет на балкон дверь, выйдет и разобьётся? Прутья на перегородке были редкие, и львёнок мог свободно провалиться. Уходя, я по нескольку раз проверяла дверь, закрыта ли она. Помню, как однажды я испугалась. Вхожу в комнату, а Кинули нигде нет и дверь на балкон открыта. У меня даже руки и ноги задрожали, а вниз посмотреть боюсь — вдруг Кинули упала. А она, оказывается, притаилась за дверью. Видно, в прятки поиграть захотелось, да ненадолго терпения хватило: повернулась я спиной, а она как прыгнет ко мне! Тычется мордочкой, ласкается.

После этого мы на всякий случай затянули балкон сеткой.

Словно по часам знала Кинули время моего прихода с работы. Волновалась, прислушивалась, ждала. Из-за неё я и съездить никуда не могла. Поехала как-то раз на дачу, приезжаю дня через два, а дома переполох. Кинули два дня не ела. Зато как она обрадовалась мне! Целый день от себя не отпускала. Я к двери — Кинули за мной. За ноги схватит лапами и держит. Смотрит бабушка и головой качает: «Эх, озорная ты, озорная! Всё бы за мамку цеплялась!» Да как же не цепляться, если без меня и повозиться не с кем! Раньше хоть с ребятами играла, а теперь они разъехались, и ей было скучно. Правда, оставалась ещё Пери, но Пери в игроки не годилась: круглые сутки спала она под столом. Уж Кинули её оттуда и за хвост пробовала тянуть, и лапкой достать старалась, а Пери поворачивалась на другой бок и опять спала.

Прогулки

Когда Кинули исполнилось три месяца, я решила выводить её на прогулки. Сшила из ремня ошейник шлейкой и надела. Я никак не думала, что лвьёнок так разозлится, когда ошейник, хотя и слабо, стянет ему шею. Кинули страшно перепугалась. Она рывкнула, рванулась вперёд, потом вцепилась в ремень зубами, стала его дёргать, а чем больше дёргала, тем сильнее он стягивал шею. Кинули обезумела. Каталась по полу, рычала, била лапами. С трудом удалось мне снять ошейник, и уже без него она ещё долго металась по комнате и никак не могла успокоиться. Через час я надела шлейку опять. Осторожно, почёсывая ей брюшко, тихонько застегнула пряжку. Кинули попробовала освободиться, но застёгнутая шлейка мешала ей меньше, и она успокоилась. Через несколько минут Кинули, Пери и я шли по улице.

Ну и испугалась же Кинули! Из окна нашей комнаты всё казалось таким маленьким, далёким, а теперь всё большое, страшное. От испуга бедняжка сначала притихла, потом стала вырываться, царапаться, кричать, стараясь освободиться. Она то ложилась на спину, не хотела идти, то вдруг бросалась в сторону и тащила за собой меня. Чтобы не пугать и без того перепуганную Кинули, я старалась дать ей больше свободы. Шла, куда тянула меня Кинули, успокаивала её ласками. Не меньше хлопотала и Пери. Умная собака старалась по-своему помочь. Тихонько, не забегая вперёд, шла она около лвьёнка бок о бок, как будто на привязи, а если Кинули слишком волновалась или останавливалась, заботливо лизала ей морду, подталкивала носом.

Так постепенно, изо дня в день, приучали мы Кинули к прогулкам. Я нарочно водила её по улице, чтобы она привыкла к шуму, к людям и не росла такой дикаркой. Скоро Кинули действительно привыкла к уличному шуму. Она шла со мною, как большая послушная собака. Шла так спокойно, что даже не каждый прохожий обращал на неё внимание.

Зато какой поднимался переполох, если кто-нибудь узнавал в ней льва! В одно мгновение нас окружали любопытные. Выручал обычно милиционер. Он появлялся неизвестно откуда, пробирался к нам и, насмотревшись вдоволь на невиданного зверя, приступал к исполнению своих прямых обязанностей. Но это оказывалось делом нелёгким. Приходилось нас прятать в какой-нибудь подъезд, и только тогда публика расходилась. Случалось, что во время прогулок нам попадались собаки. Вели они себя по-разному. Одни бросались к Кинули и злобно лаяли, другие сразу убегали, но все одинаково боялись её тронуть. Как-то раз мы встретили женщину, а рядом с ней бежала собачка. Это была маленькая курносая болонка на коротеньких ножках, с длинной шелковистой шерсткой. Она важно шла впереди своей хозяйки, с голубым бантом на шее.

Но вот собака увидела Кинули. Наверно, она приняла льва за большую собаку. Зарычала, остановилась и вдруг с яростным лаем сорвалась с места и бросилась на Кинули. В том, что перед ней не собака, она разобралась слишком поздно.

Бедная маленькая болоночка! Что с ней случилось! Вместо боевого задора, с которым она кинулась на нас, она выпучила от ужаса глаза и с визгом налетела по инерции на Кинули. Упала, но тут же вскочила и бросилась бежать. С поджатым хвостом мчалась она посередине улицы, а за ней, напрасно стараясь её догнать, бежала хозяйка.

Долго и удивлённо смотрела Кинули вслед мелькавшему голубому банту, пока он не скрылся где-то за поворотом улицы, потом лениво повернулась, зевнула и по-прежнему медленно и степенно продолжала прогулку. Гуляла Кинули недолго. Пройдёт час-полтора, и она уже просится домой. Дверь нашего парадного входа Кинули знала хорошо. Знала и нашу квартиру. Быстро взбегала по лестнице и царапалась в дверь.

После прогулки Кинули лучше ела. Получала она на завтрак яйца. Кинули сама приносила в

зубах свою миску и давала мне в руки. Я разбивала в миску яйца и ставила её Кинули. Пери тоже получала завтрак. Они устраивались рядышком и ели каждая из своей миски. Кинули кончала раньше. Своим шершавым, как тёрка, языком она тщательно вылизывала пустую посуду, но ни разу не пыталась отнять еду у Пери. Пери ела медленно и долго. Окончив, так же медленно подходила к львёнку и вылизывала его вымазанную яйцом мордашку. Потом обе ложились спать. Ложились они рядышком, тесно прижавшись друг к другу.

Четвероногая «артистка»

Знакомые часто спрашивали меня, снимают ли Кинули или нет. «Вы знаете, говорили они, — это, может быть, единственный случай воспитания и содержания львёнка в комнате! Как жаль, что его не снимают в кино?» Жалела, конечно, и я. Было так много интересного, так хотелось бы всё это заснять. Но фотоаппарата у меня не было, а снять в кино — я не знала, кого просить. Случай подвернулся сам. В зоопарке режиссёр «Союзтехфильма» снимал картину. Он узнал, что у меня дома живёт лев, и предложил его снять. Нужно ли говорить о том, что я с радостью согласилась!

Режиссёр написал сценарий, а в выходной приехал с оператором снимать. Оператор — звали его Андрей, будем так называть его и мы — тащил киноаппарат, режиссёр — треножник и ещё какой-то ящик. Нагруженные с головы до ног, появились они первый раз в нашей квартире. Разгрузились и отправились знакомиться с «артисткой».

Встретила новых людей Кинули недоверчиво. Долго обнюхивала одежду и ноги пришельцев, прежде чем дала себя тронуть. Но снимать её в этот день не пришлось. Чтобы Кинули держалась просто и не пугалась, нужно было дать ей сначала привыкнуть к новым людям. И вот, просиживая часами на полу, подманивая кусочками мяса, оператор и режиссёр старались завоевать доверие четвероногой «артистки». Это было трудно, очень трудно; при мне Кинули не обращала на них внимания, без меня не подходила близко и даже не брала из чужих рук мясо. И всё-таки они своего добились: Кинули перестала дичиться, и можно было начинать съёмку.

Аппарат приготовили заранее. Поставили и загородили его стульями, завесили одеялом. Туда же спрятался Андрей. Иначе нельзя: Кинули хоть и ручная, а осторожность у неё была как у дикого зверя. Когда всё было готово, в комнату впустили Кинули и Пери. Пери нужна была для спокойствия, без неё Кинули не стала бы играть. По ходу картины Кинули должна была спокойно лежать на диване. На диван она прыгнула охотно, но как только затрещал аппарат, встрепенулась. И тут-то начались наши мучения. Кинули ни за что не хотела сниматься: пугалась звука аппарата и убегала. Не было никакой возможности заставить её подойти. Ничто не помогало: ни окрики, ни ласка. Нужно было как-то заглушить пугающий её треск аппарата.

Но как это сделать? Тут я вспомнила, как нравилась Кинули музыка, как лежала она часами около патефона и ни на что не обращала внимания. Так мы и сделали. Поставили у аппарата патефон, и музыка заглушила треск. Знакомые звуки танцев не пугали Кинули, она себя чувствовала прекрасно: играла, ела, пила, лежала на диване и делала всё, что от неё требовали. Оператор был в восторге. Он снимал, а режиссёр заводил патефон и менял пластинки.

Солнца в комнате было мало, а снимать без солнца нельзя. Бывало, уходит солнце, и мы со столами, стульями и с «артисткой» за ним двигаемся. А тут ещё — то Кинули не так легла, то аппарат не так поставлен... Горе одно, да и только! Не лучше было и с Пери. Кинули снималась

хоть под музыку, а Пери никак. Однажды её снимали с магнием и сильно напугали вспышкой. С тех пор она, как только увидит аппарат, ложится на спину, закрывает глаза и лежит как мёртвая, не шевелясь.

Однако хотя и медленно, но дело подвигалось вперёд. Сняли Кинули за едой, её игру с Пери, как она носит свою миску, как пьёт из соски молоко. Сняли, как гуляет на дворе и играет с ребятами. Хорошо, что успели снять с соской, а то через несколько дней Кинули её проглотила.

Последняя соска

Возвращаюсь я как-то с работы домой, а в дверях меня встречает бабушка, вся в слезах:

— Вера Васильевна... голубушка... соска!

Ничего понять не могу.

В чём дело? Какая соска? Наконец с трудом разобрала. Кинули сорвала с бутылки соску и проглотила. «Я и ахнуть не успела...» — плакала, рассказывая, бабушка.

Несмотря на проглоченную соску, Кинули себя чувствовала превосходно. Возилась, играла. И всё-таки я волновалась. Как знать, чем кончится дело? Много случаев знала я, когда от проглоченной резины погибали звери. Резина не переваривается. В кишечнике она разбухает, может закупорить его, и животное погибнет. То же могло случиться и с Кинули.

К тому же лакать молоко из блюдечка Кинули не умела или, вернее, не хотела. Она прекрасно лакала с Пери из миски суп, ела кашу, а вот молоко без соски никак не пила.

Пришлось бежать за соской. Но из новой соски Кинули тоже не пожелала пить. Взяла было её в рот, но тут же бросила, обнюхала и отошла.

Я рассердилась, схватила на руки капризулю и стала пихать ей соску в рот. Не помогло и это. Кинули вырывалась, выплёвывала соску, не хотела даже держать её во рту. Я понимала: старая соска по ощущению, запаху, вкусу была совсем другой. Кинули к ней привыкла, а к новой отнеслась так, как отнеслась бы к новой матери. И чего только я не делала: кипятила в воде, чтобы сделать мягче, в молоке, чтобы отбить запах, — ничто не помогало. Кинули от голода кричала, не ела мяса и молоко из новой соски не пила.

Прошло три дня. Три дня ничего не ел львёнок. И только на четвёртый, не на шутку проголодавшись, Кинули начала пить молоко из новой соски. Впрочем, прослужила она недолго. На другой же день Кинули проглотила и её. Это была последняя соска, потому что с тех пор я больше ей сосок не покупала. И постепенно Кинули начала пить молоко из мисочки.

Перемирие

В начале сентября вернулись с юга Толя, Маша и мой брат Вася. Мы переехали опять в свою комнату и хотели взять Кинули, но она так привыкла к Васиной комнате, что ни за что не хотела переселяться. Придёт в нашу комнату, поиграет и просится обратно — царапается в дверь, кричит. Пришлось просить Васю оставить Кинули у себя. Вася согласился. Животных он любил и против львёнка ничего не имел.

Зато львёнок был против. Уж очень Кинули незнакомых людей не любила! А тут незнакомый человек к ней в комнату переехал! (Ведь комнату Кинули считала своей!) Своим приездом Вася нарушил её покой, и Кинули крепко его невзлюбила. Выражала она это по-своему. Её раздражали даже вещи брата.

В первый же день приезда пострадал чемодан. Вася оставил его на полу и пошёл к нам. Приходит, а чемодан лежит раскрытый, вещи из него раскиданы. Кинули одну рубаху порвала, другую начала рвать. Хотел отнять Вася, да не вышло. Не отдаёт Кинули, рычит, лапой по протянутой руке ударить старается и когти выпустила, а когти у неё большие, страшные.

Не лучше было и ночью. Лёг Вася спать, а Кинули вокруг ходит, то одеяло стащит, то подушку — никак спать не даёт. Собрал Вася постель в узел, сел на него и сидит. До утра сидел, а в следующую ночь на стол спать переехал. Но не помогло и это. Захожу я однажды в комнату и узнать её не могу. Кругом пух, перья летают. На полу разорванная перина лежит, а в углу Кинули последнюю подушку рвёт. Что делать? Придёт Вася, сердиться будет. Скорей схватила я иголку, нитки и давай шить. Сшила скоро, а вот пух-то насилу собрала. Ловлю его по комнате, в наволочку сую, а он опять вылетает. Измучилась я, а Кинули хоть бы что бегаёт за мной, мешает, везде нос суёт. Всё ей интересно.

Чинил как-то брат радио. Поставил приёмник на стол и вышел, а Кинули уж тут как тут. На стол влезла и лапой его оттуда смахнула. Пришёл Вася, а вместо приёмника одни щепки валяются.

Немало она испортила вещей — пальто разорвала, занавески. Ничего оставить нельзя! Бывало, Васю к телефону зовут, а он с собой постель тащит. Смеются жильцы: «Что, Вася, выжила квартирантка?» Но Вася на квартирантку не сердился. Он терпеливо и ласково относился к львёнку, старался приручить его. С первого дня полюбил он маленькую злюку. Осторожно, чтобы не испугать, старался лишний раз её погладить, приласкать.

Я нарочно ходила к ней реже, а Вася сам за ней ухаживал и кормил. Недели через две Кинули стала к нему привыкать. Сама, правда, не ласкалась, но не огрызалась и позволяла себя трогать. Ласкаться она стала много позже. Сначала просто подходила, ложилась рядом, потом как будто нечаянно тёрлась головой о его ноги.

Но вот однажды Вася уехал на дачу и домой не пришёл. Сильно разволновалась Кинули, бегала по комнатам, мяукала, прислушивалась.

Пришёл Вася на другой день утром. Ещё в передней услышала его шаги Кинули. Открыла дверь, бросилась к нему, обхватила лапами ноги и долго ласкалась.

Кинули и Вася стали неразлучными друзьями. Вася даже к знакомым почти перестал ходить и всё свободное время сидел дома. И чего он только не делал, чтобы Кинули позабавить! И в мяч-то с ней играл, и в прятки. Прятаться было некуда, так он в шкафу откроет дверцу, залезет туда и зовёт: «Кинули, где я? Кинули!» Ходит Кинули, прислушивается или тоже притаится где-нибудь и ждёт. Высунет Вася голову, а она уж тут как тут; прыгнет к нему, лапами обхватит, ласкаться лезет. Вася её и на кресле кататься научил. Залезет Кинули в кресло, к спинке привалится. Вася по комнате её возит, а она сидит и важно так по сторонам поглядывает.

В то время Вася работал на заводе. Вставал он рано, в семь часов. Будила его всегда Кинули. Осторожно, не выпуская когтей, тормозила его лапами, лизала волосы, лицо. Язык у неё был шершавый, как тёрка. В том месте, где она им проводила, оставался красный след. И всё-таки

Вася терпел, а уходя на службу, никогда не забывал её приласкать.

Лев на улице

Весь сентябрь стояла плохая погода. Шёл дождь, а солнышко если и появлялось, то только на минуты. Кинули гулять не выводили. Она сидела дома и скучала — не с кем порезвиться и поиграть. Пери почти всё время лежала под столом, а если вылезала, то, как только Кинули начинала к ней приставать, пряталась опять под стол. Но вот наступили долгожданные солнечные дни. Мы решили ими воспользоваться и заснять Кинули на улице.

Встали в этот день рано. Я волновалась. Моё волнение передалось и Кинули. Она отказалась от мяса, беспокоилась, мяукала. В десять часов утра все собрались. Пришли режиссёр и оператор.

Решено было, что к месту съёмки Вася, я и Кинули с Пери поедem на машине, а остальные — на метро.

Такси ждало нас во дворе. Увидев, что я веду львёнка, шофёр вскрикнул и быстро захлопнул дверцу. Он не был предупреждён и никак не ожидал такого пассажира. Не дав ему опомниться, Вася быстро открыл другую дверцу, усадил меня. Кинули и Пери, а сам подсел к шофёру. Шофёр так растерялся, что даже не возражал. Он согнулся над рулём и, с опаской поглядывая на метавшегося львёнка, осторожно выехал со двора. От непривычного движения и шума мотора Кинули сначала испугалась. Бросалась к окну, к дверце, старалась вырваться и удрать. Потом успокоилась и стала смотреть в окно. Успокоился и шофёр. Всю дорогу он расспрашивал меня про Кинули, про её жизнь дома, про характер, привычки. «Книжку бы написали», — посоветовал он. А когда узнал, что пишу, заинтересовался ещё больше.

Так незаметно в разговорах доехали мы до условленного места на улице Кропоткина. Там ещё никого из наших не было, и нам пришлось немного подождать. Кинули спокойно лежала на сиденье. Снаружи её не было видно, и нас никто не беспокоил. Подошёл только один гражданин, чтобы нанять такси, увидел Кинули и быстро, без оглядки ушёл. Мы из машины вышли, когда приехали остальные и всё было готово к съёмке. Львёнок около метро сразу привлёк внимание прохожих, и через несколько минут мы очутились в плотном кольце любопытных.

Кинули на улице произвела настоящий фурор. Высовывались из трамваев кондукторы, вожатые, выскакивали пассажиры. Бежала со всех сторон детвора. Но это было ничто по сравнению с тем, что ожидало нас на Петровке.

Не успела остановиться машина, как вокруг собралась толпа. А что делалось, когда мы вышли! Даже милиция и дворники не помогли. В одну минуту запрудила толпа тротуары, улицу. Люди выглядывали из окон, выходили на балконы, а мальчишки кричали: «Лев идёт! Лев!»

Остановилось всё движение. Стояли автобусы, такси, автомобили. Шофёры даже не пытались проехать. Неизвестно откуда, около нас появились репортёры и отдельные фотолюбители. Щёлкали их аппараты, а мы никак не могли заснять Кинули.

Четыре раза мы делали вид, что уезжаем, четыре раза объезжали вокруг переулками и возвращались обратно, и всё-таки ничего не выходило. С большим трудом засняли маленький кусочек прогулки Кинули по улице и отправились домой.

На следующий день в газете была заметка. Начиналась она так:

«На днях на Петровке можно было наблюдать интересное зрелище — киносъёмку молодой львицы Кинули». Потом следовало описание съёмки. И под конец: «Съёмка Кинули вызвала большой интерес у прохожих. Автомобиль, увозивший Кинули, сопровождали велосипеды, мотоциклы и автомобили, доехавшие до самого дома сотрудницы зоопарка В. Чаплиной, у которой воспитывается Кинули со дня рождения».

На празднике

К Октябрьским торжествам картина, где снималась Кинули, была уже готова. На просмотр пригласили всю нашу семью. Конечно, пригласили и Кинули с Пери. За это время Кинули несколько раз ездила в машине, поэтому, когда прислали автомобиль, она влезла туда сама. Уселась на сиденье и важно поглядывала по сторонам. А шофёр машину гонит и шею на всякий случай шарфом обмотал: уж очень страшная пассажирка.

Когда мы приехали в кино и вошли в зал, публика вся повскакала с мест: «Лев пришёл! Лев пришёл!» Кричали, волновались. А Кинули хоть бы что.

Но вот погасили свет, затрещал аппарат. Испугалась наша Кинули незнакомого звука, рыкнула, обернулась на шум. Потом глянула на экран, увидела себя и насторожённо замерла. Пери тоже сначала смотрела, потом свернулась клубочком и уснула. А Кинули переживала всё, что видела на экране. Вдруг она увидела на экране свой мяч! Мяч! Не стерпела тут Кинули, с места сорвалась и в несколько прыжков очутилась около экрана, прыгает на него, любимую игрушку достать старается... Насилу её уняла. Остальную часть картины Кинули смотрела внимательно, не отрываясь, а когда зажгли свет, ещё долго не спускала глаз с полотна. Потом потянулась и сладко-сладко зевнула.

В этот день она спала особенно крепко, а во сне шевелила лапами и вздрагивала. Наверно, ей снился сон, что мяч она всё-таки достала.

Потом Кинули пригласили с Толей ещё на детский утренник.

Не обошлось без происшествия и тут. Когда приехали за Кинули, она оказалась запертой в комнате. Случилось это так: услышав мой голос, она, как всегда, хотела открыть английский замок лапой, но на этот раз защёлкнула предохранитель. Пришлось ломать замок.

Встретили ребята Кинули на детском утреннике радостными криками. Кинули страшно испугалась, бросилась назад по лестнице, чуть не сшибла меня с ног. Больших трудов стоило мне ввести её обратно в комнату. Но теперь уже ребята сидели тихо, и Кинули успокоилась. Я села на стул, Кинули и Пери легли рядом, а вокруг устроились дети. Они рассматривали каждый волосок лъвёнка, его глаза, сильные лапы, полукруглые уши. Кинули держалась на редкость спокойно и даже позволила детям себя трогать. Установилась очередь, и ребята тихонько, ласково гладили пушистую шерсть зверя.

На другой день мы катали Кинули за хорошее поведение в машине по Москве. Возили по самым интересным улицам, показывали украшенный по-праздничному город, иллюминацию. Всю дорогу Кинули смотрела, не отрываясь, в окно. В одном месте нашу машину перегоняла другая. Сидели в ней иностранцы. Увидев львицу, они долго ехали рядом и всё старались объяснить знаками, что они знают Кинули.

Приехали домой мы поздно. Ещё в дороге Кинули начала волноваться, и не успела машина остановиться у подъезда, как, открыв лапой дверцу. Кинули бросилась домой. Пери и я едва

поспевали за ней. Мне казалось, что Пери не меньше меня удивлена таким поспешным бегством своей питомицы. А питомица как сумасшедшая уже ворвалась в квартиру, чуть не сшибла в коридоре соседку, вбежала в комнату и... уселась в свой песок. Она была очень чистоплотна.

Больная

Осенью Кинули заболела. Болела она долго и тяжело. Лежала скучная, ничего не ела, а когда пробовала встать, тут же падала на пол и громко рычала от боли. Успокаивалась она только тогда, когда её обогревали электрической печкой. Кинули поворачивалась к ней то одним боком, то другим и даже ухитрялась пододвигать её к себе лапой, не обжигаясь. С каждым днём Кинули становилось всё хуже и хуже.

Пригласили врача. Не сразу решился он войти в комнату к львице. Уж очень больная-то страшная, всё-таки зверь, вдруг бросится! Пришлось перегораживать комнату стульями. И только после этого вошёл врач. Кинули была так больна, что совсем не обратила на него внимания. Она даже не открыла глаз. Лежала на боку и тяжело дышала. Врач издали с опаской посмотрел на неё и посоветовал дать касторки. Он даже не осмотрел её и поспешил уйти.

Мы приглашали и других врачей. Каждый советовал разное, но все они говорили одно: Кинули всё равно не выживет.

О том, что Кинули больна, писали даже в газетах. Сколько писем я получила тогда, сколько вопросов, советов! Больше писали детишки: «Как здоровье Кинули?», «Поправится ли она?», «Что сказали врачи?». Многие приезжали на квартиру проведать её. Совсем незнакомые люди вместе с нами переживали её болезнь. Даже во дворе ребята не так шумели в это время. Часто можно было слышать, как останавливали они слишком расшумевшегося товарища. Поминутно бегали к нам и справлялись о здоровье Кинули.

Чего мы только не делали, чтобы спасти львёнка! Дежурили постоянно. Я забыла, что такое сон. От усталости кружилась голова, и всё-таки я не могла уйти отдохнуть. Стоило мне сделать движение к двери, как Кинули тянулась за мной и мяукала так жалобно, как будто выговаривала: «Ма-а-ма!» И каждый раз приходилось возвращаться обратно. Ночи тянулись такие длинные-длинные... В комнате тихо, только слышно тиканье часов да неровное дыхание Кинули.

Целых три недели болела Кинули. Три недели боролась она со смертью. Три недели кормили её насильно. Каких трудов стоило запихать ей в рот кусочек мяса, заставить проглотить! Кинули не хотела есть: отворачивала голову, выплёвывала. Приходилось иногда уговаривать. Упрашивали всей семьёй: Вася, Шура и даже маленький Толик.

— Кошечка, съешь, — просил он её. — Съешь хоть кусочек! — И тихонько добавлял: — Совсем маленький. Ну что тебе стоит проглотить!

Не знаю, действовали ли на Кинули уговоры или мы ей просто надоедали, только она хотя и мало, но всё-таки ела.

Впрочем, нам помогала ещё муха. Это была самая обыкновенная муха, она проснулась от тепла и питалась около Кинули. Она ползала у самой морды львицы и грелась около её электрической печки. Кинули ненавидела эту муху. Стоило той прилететь, как Кинули злобно

рычала, старалась ударить, а чтобы не досталась врагу пища, хоть и немного, но всё же ела. Понятно, что мы были очень довольны такой помощницей.

Вскоре Кинули стала поправляться. Правда, медленно. Она по-прежнему плохо ела, не могла подняться, но пыталась уже играть. Играла большой деревянной ложкой или мячом. Мяч катала носом, а ложку зажимала между лапами и, лёжа на спине, подолгу держала её перед собой. Трудно сказать, почему ей нравилось играть именно этими предметами. Стоило сказать «мяч», как у Кинули загорались глаза, а при слове «ложка» она сразу ложилась на спину. Признаки выздоровления львёнка первая заметила Пери. Когда Кинули болела и, рыча, билась от боли, собака её боялась, пряталась под стол, не подходила. А тут она опять перебралась к ней спать, заботливо выискивала блох, лизала морду львицы. А когда однажды прибежал к нам в комнату Вася и сказал, что Кинули разорвала его новые брюки и оставленную на столе книгу, все были очень рады, потому что это значило, что Кинули поправилась совсем.

Кинули становится взрослой

После болезни мы сшили Кинули новый ошейник, и я решила выйти с ней погулять. Я боялась, что после такого большого перерыва она будет слишком пуглива. Но оттого ли, что Кинули выросла и люди ей не казались такими большими, или оттого, что повзрослела, только держалась она на редкость спокойно и шла по улице не хуже Пери.

Зашла я с ней во двор. Встретили там Кинули не как обычно: боязливо тянулись к ней руки отдельных храбрецов, а мамыши, подхватив малышей, отбегали в сторону. С улицы в наш маленький садик за нами пришли любопытные. Расспрашивали про Кинули ребят, жильцов дома. В публике слышались отдельные возгласы удивления и даже зависти к управдому, что он имеет такого «жильца».

А «жилец» и на самом деле сильно вырос и изменился. Морда у Кинули вытянулась, стала как у взрослой. Отросшие усы придавали ей другое выражение, и только две маленькие родинки да маленькое пятнышко на носу напоминали прежнюю Кинули. Даже странно было смотреть: неужели это та самая крошка, которая почти вся умещалась на ладони! А «крошка» перегнала в росте Пери, едва пролезала под столом и уже не помещалась в кресле.

Несмотря на рост, привычки у неё остались прежние. Так же бурно, как и маленьким котёнком, бросалась она мне навстречу, прыгала, ласкалась. Разница была только в том, что я заранее прислонялась к стене, иначе от ласк такого «котёночка» можно было свалиться на пол. Очень осторожно играла Кинули с моей рукой: забирала всю в пасть, лизала, и не было случая, чтобы она сделала мне больно. Если же иногда слишком увлекалась, то стоило мне чуть повысить голос, как сразу отпускала руку.

Кинули была на редкость чувствительна к интонациям. Бывало, натворит что-нибудь, разобьёт. Услышит Васины шаги — и под стол. Спрячется и ждёт, что дальше будет. Если Вася войдёт злой, начнёт браниться, она оставалась там, а если добрый, то бросалась к нему на грудь, ласкалась или ложилась и терлась головой об ноги. Она очень любила лежать, уткнувшись головой в мои или Васины ноги. Это была её самая любимая поза.

Вечером, когда все приходили с работы, мы устраивали в Васиной комнате настоящий цирк. По бокам ставили стулья, рассаживали знакомых. На столе, как на более безопасном месте, была ложка, галёрка впереди. В программу входило: «Лев, играющий в футбол», «Борьба, катание на кресле» и «Голова в пасти льва». Последний номер считался особо опасным. Исполнял его Вася. Вася ложился на пол, при этом, как и в цирке, замолкала музыка, а Кинули осторожно

обнимала её лапами, лизала ему голову.

Это было гвоздём программы, имевшим всегда одинаковый успех. Вася поднимался, я включала радио, зрители шумно аплодировали, а Вася, кивая облизанной головой, ласково похлопывал Кинули.

Вася очень любил Кинули, и она платила ему тем же, вечно тёрлась о его ноги, ласкалась. Но случалось, что Вася её прогонял. Тогда Кинули обижалась и шла жаловаться на него мне: ложилась и как-то особенно протяжно мяукала.

Она жаловалась и Васе на меня, а если попадало от нас обоих, шла к Пери. За это Вася её прозвал сплетницей и даже нарочно обижал, чтобы Кинули лишний раз пожаловалась. Уж очень забавно у неё это получалось!

Умела Кинули и ругаться. Квакала, как лягушка, и сразу уходила на место. Приходилось просить прощения.

— Кинули, кошечка, я не буду, — упрасивал её Вася, а Кинули упрямылась, отворачивалась, но всё-таки в конце концов подходила.

Она была на редкость покладиста и ласкова. И мясо не станет есть, пока не приласкают. Зато к посторонним заметно изменилась. Стала огрызаться, а если поворачивались к ней спиной, то иногда кидалась. Правда, делала она это играя, любя. Начали её побаиваться и жильцы. Особенно после того, как Кинули опрокинула бабушку.

Случилось это совсем неожиданно даже для Кинули. Просто она не рассчитала свои силы. Старушка мыла пол, нагнулась. Кинули прыгнула, и вдруг бабушка упала. Впрочем, Кинули и сама испугалась, рывкнула да скорей в комнату.

Зато в другой раз Кинули нас выручила. Случилось это в мой выходной день. Дома оставались девочка Галя и я, остальные жильцы разошлись.

Вдруг слышим звонок. Галя открыла дверь. Вошёл мужчина лет сорока, с мешком. На наш вопрос, кого нужно, ответил, что пришёл по делу: морить клопов. Напрасно я доказывала, что клопов нет, что жильцы придут поздно, и просила уйти. Ничто не помогало. «Клопомор» уселся и решительно отказывался выйти. Я прямо не знала, что делать.

Уйти, оставить его одного, нельзя, а стоять так весь день тоже невозможно.

Выручила Кинули. Вошла тихо, крадучись, увидела незнакомого ей человека и насторожённо замерла. Глаза хищника остро и внимательно остановились на лице незнакомца. Человек повернул голову и вдруг встретился с неподвижным, тяжёлым взглядом зверя. Кинули потянулась, замерла, на секунду сверкнули зубы полувзрослой львицы. «Клопомор» вздрогнул и сделал робкое движение к двери. Дверь была заперта.

— Вы не бойтесь, — ответила на его движение Галя, — это лев.

— Лев? Да что же вы меня не выпускаете? — вдруг закричал он. Не дожидаясь ответа, он вырвал у меня ключ, быстро открыл дверь и, прыгая через ступеньки, бросился вниз. Больше мы «клопомора» не видели. Впрочем, после этого у нас был ещё один случай.

Случай с жуликом

В этот день я вернулась с работы рано. Подхожу к квартире — парадная дверь отперта, а Кинули ходит по коридору.

Я удивилась. Как же так? Кто же мог её выпустить из комнаты? Хотя комнату мы не запирали, но все знали, что у нас живёт лев, и, когда из домашних никого не было, туда никто не заходил. «Кто же, — думаю, — Кинули выпустил?» Захожу в комнату и вижу: на шкафу сидит незнакомый мужчина. Лицо всё красными пятнами покрыто, глаза по сторонам бегают, сам дрожит как в лихорадке.

К нам часто приходили незнакомые посмотреть льва, и поэтому я чужому человеку не удивилась. Но на всякий случай спросила:

— Как вы попали сюда, гражданин?

А «гражданин» только зубами стучит от страха:

— Д... д... да меня зверь ваш загнал сюда.

— Ну ладно, — говорю. — Посидели, теперь слезайте.

Где там слезать! Смотрю, он ещё ближе к стене прижался.

— М... ми... милицию! — говорит. — Позовите милицию!

Я ему говорю: «Слезайте», а он своё: «Милицию!»

Пришлось его просьбу исполнить и вызвать по телефону милицию. Приехали из милиции. Не успели милиционеры войти в дверь, как мой «гражданин» прямо к ним бросился. За них прячется, просит, чтобы забрали его скорей.

Прошло несколько дней. Я успела уже забыть об этом случае, как вдруг в газете «Известия» появилась заметка. Напечатана она была в отделе происшествий и подробно описывала случай с жуликом. Текст этой заметки я привожу целиком, без изменений:

«В своё время в «Известиях» уже сообщалось, что заведующая отделом молодняка Московского зоопарка В.В. Чаплина воспитывает у себя на квартире львёнка Кинули.

Ныне Кинули — красивая, молодая львица, ростом с доброго дога. Она свободно открывает двери комнат лапой, притягивая к себе дверную ручку, а когда проголодается, приходит на кухню, держа в зубах свою миску.

На днях, вернувшись домой с работы, В.В. Чаплина обнаружила, что Кинули очень возбуждена. Она лежала на пороге комнаты и озлобленно била хвостом по полу. Её кожа нервно подёргивалась. При этом львица смотрела куда-то вверх. Проследив за этим взглядом, т. Чаплина увидела на высоком шкафу незнакомого мужчину. От страха он весь дрожал и дико озирался по сторонам.

Ни за что не желая покинуть своего убежища, незнакомец, не слезая со шкафа, поведал свою историю. Он забрался в дом, чтобы совершить кражу, спокойно обошёл комнаты пустой квартиры и наконец открыл дверь комнаты, где была Кинули. И только тогда, когда вор был посередине комнаты, он заметил, что находится в обществе львицы.

Преступник невольно попятился к двери, но Кинули уже преградила дорогу и грозным рыком

загнала его на стол, куда затем забралась и сама. Тогда незадачливый домашник вскарабкался на шкаф и просидел там более двух часов, старательно охраняемый грозным зверем».

Газета с этой заметкой вышла очень рано, и я ещё спала, когда меня разбудил телефонный звонок. Я взяла трубку. Говорил один знакомый:

— Вера Васильевна? Вы живы?

— Жива, — отвечаю. — А в чём дело?

— Как в чём? Разве вы газету не читали? Нет? Так прочтите. Там написано, как к вам жулик забрался, а Кинули его на шкаф загнала и чуть не съела. Мы с женой очень беспокоились, решили проверить, что с вами, и позвонили.

Пришлось мне рассказать всю историю с начала до конца. Но не успела я повесить трубку, как опять раздался звонок.

Одним словом, знакомых, желающих узнать, что со мной случилось, оказалось так много, что я не успевала отойти от телефона, как опять раздавался звонок. Телефон звонил не переставая. Измученные квартиранты бранились, перестали брать трубку, а я через несколько часов убежала из дому.

Но этим днём мои мучения не кончились. В газете ведь была указана не только моя фамилия, но и адрес, где я живу.

По адресу посыпался поток писем, появились новые посетители. С утра до вечера Маша открывала им двери. Днём ещё ничего, а вечером ни поработать, ни отдохнуть — только успевали открывать и закрывать двери.

Выручала сама Кинули. Она имела привычку обнюхивать вошедшему ноги. Или ещё делала так: обнимала посетителя лапами за ноги и тихонько трогала зубами. Зубы у Кинули большие, страшные, а ведь не мог же знать чужой человек, укусит она его или нет. Пожмётся, бедняга, пожмётся и скорее откланяется. Так постепенно всё меньше и меньше заходили к нам любители посмотреть льва.

Любовь победила

Несмотря на то что Кинули была уже взрослой львицей, квартиранты любили её по-прежнему. Для них она была, как и раньше, маленькой Кинули, которую кинула мать. Дора Рафаиловна, Мария Фёдоровна, Мария Ивановна — все любили её. Все, кроме Галиной бабушки, Антонины Васильевны. И чего она только не делала, чтобы выжить львёнка!

Приходит однажды и за собой человек десять ведёт. Позвала меня, в сторонку отошла и усмехается. Оказалось, привела врачебную комиссию. Врач ко мне с вопросом:

— Скажите, гражданка, это у вас лев проживает?

— У меня, — отвечаю. — А в чём дело?

— Дело, — говорит, — в том, что поступило заявление жильцов, будто вы в комнате льва держите, грязь от него. Вот и пришли проверить.

Тут жильцы все возмутились:

— Какая жалоба? От кого? Да Кинули чище домашней кошки!

Ну, я спорить не стала.

— Что ж, — говорю, — посмотрите.

Открываю дверь, а комиссия — в сторону... Друг за другом встали и смотрят.

Кинули навстречу мне вышла, ласкается. Пери тоже подошла. Видит комиссия, что страшного ничего нет, поближе подошла, и врач про комнату забыл, львицей любуется. А Кинули словно рисуется: то на спину ляжет, то головой потрётся, руку мою в пасть берёт, да так осторожно, ну совсем как кошка домашняя. И в комнате чисто, ни соринки. Даже запаха от львицы не было. Так и записали.

Впрочем, старуха на этом не успокоилась. Написала ещё заявление и подала, как будто это от всех жильцов квартиры. Я не знала, что и делать. Каждый день — новая комиссия! Одних бумажек штук двадцать прислали, всё льва выселить требуют. А старуха ходит, хвастает:

— Всё равно львице тут не жить. Выживу.

А жильцы как узнали, что заявление от их имени она подала, возмутились:

— Не дадим Кинули в обиду, ни за что не дадим! Всей квартирой пойдём, докажем, что не мешает нам она.

И написали заявление в милицию:

«Мы, жильцы квартиры такой-то, в доме таком-то, по Большой Дмитровке, заявляем, что ничего не имеем против львёнка, находящегося в нашей квартире. Львица совсем ручная и находится в постоянно запертой комнате. Ни в коридоре, ни в местах общего пользования она не бывает, а комната, в которой живёт, содержится в чистоте и порядке. Никакого шума, беспокойства львица у нас, жильцов квартиры, не вызывает».

Под этим заявлением подписалась вся квартира, а одна из жилищек сделала ещё приписку

«Имея троих детей — семи, десяти и одиннадцати лет, я ничего для них опасного в том, что львица живёт в квартире, не вижу. Тем более, что зверь ручной и находится под постоянным наблюдением».

Так встала на защиту Кинули вся квартира.

Дело о выселении львицы дошло до прокурора. События приняли другой оборот. Вечером пришли управдом, дворник и с ними начальник милиции. «Ну, — думаю, не иначе как выселят». Веду их в комнату, а у самой сердце, того и гляди, выскочит.

— Что, спрашиваю, выселять?

Нет, — говорят, — узнать, в чём дело. Тут нам заявление от санинспекции поступило, будто жильцы на вашу львицу жалуются. Пишут, что под страхом живут, из комнаты выйти боятся, а если и выходят, то палки и другие предметы защиты приходится брать. Вот и пришли проверить.

Я их позвала в комнату, всё рассказала, показала и заявление жильцов. Тут ещё соседка за газетой пришла и спрашивает:

— Что, опять от старухи комиссия?

Смеётся начальник.

— А вы, — говорит, — лучше скажите, мешает вам лев или нет?

Соседка даже руками замахала.

— Что вы, — говорит, — что вы! Да разве Кинули может мешать?!

Пришла Мария Ивановна:

— Убрать нашу Кинули не дадим! Хоть не мы выкормили, а сколько пережили, пока выросла!

Зашли и к Кинули. Большая жёлтая кошка лениво поднялась навстречу. Подошла ко мне и ласково уткнулась в колени.

В передней начальника ждали остальные жильцы. Все возмущались поступком старухи, а Толин приятель, Юра, забыв, как однажды Кинули стащила с него трусики, заставив пробежаться голым по всей квартире, дал слово, что Кинули всё равно не отдаст.

Уходя, начальник крепко пожал мне руку.

— Теперь вы можете быть спокойны гражданка, — сказал он. — Картина мне ясна. Вас больше не побеспокоят. А если будут попытки, позвоните мне.

Он уже вышел, а мы долго стояли у открытых дверей и кричали вслед:

— Спасибо, товарищ начальник! Спасибо от всех, всех, всех!

На другой день я получила письмо.

«В связи с выяснившимися обстоятельствами, что имеющаяся у вас львица не опасна и в настоящее время больна, госсанинспекция района, во изменение своего прежнего предписания о передаче львицы в Зоопарк в трёхдневный срок, заявляет, что львица может быть вами оставлена на квартире до полного выздоровления и наступления подходящих температурных условий для перевоза её в зоопарк».

Кинули получила право на жительство в нашей квартире, и больше нас никто не беспокоил.

День рождения

Рано утром меня будит звонок. Я вскакиваю с постели, накидываю халат и спешу открыть дверь. Кто же это может быть? Почему так рано?

Но вот дверь открыта. Передо мной стоит почтальон. Он ласково улыбается и протягивает мне письмо. На конверте аккуратно выведено детской рукой: «Москва, Большая Дмитровка, Кинули Чаплиной». Сначала я ничего не могу понять. Нет ни номера дома, ни квартиры. Странно! И вдруг вспоминаю: сегодня 20 апреля. Кинули исполнился год, и маленькие доброжелатели

торопятся поздравить свою любимицу с днём рождения. От этого мне становится очень весело. Я смеюсь, смеётся и почтальон. Уходя, он просит передать Кинули поздравление и от него, а спускаясь по лестнице, долго кивает мне головой.

Когда я вбежала в комнату к Васе, Кинули ещё спала. Вставала она, правда, рано, вместе с Васей, но как только он уходил на работу, ложилась опять. Вот и сейчас. Пери уже ласкается, а Кинули и не собирается вставать.

— Кинули! — кричу я, — Кинули, лентяйка! Ведь сегодня твой день рождения, тебе исполнился год, а ты валяешься!

Кинули лениво потянулась и зевнула. «Вставать или нет?» — казалось, говорили её сонные, полузакрытые глаза. Но тут подошла Пери, и Кинули сразу вскочила. Ей не нравилось, если ласкали кого-нибудь, кроме неё, и, ревниво отталкивая собаку, она тёрлась о мои ноги.

В этот день было мною хлопот. Во-первых, купить продукты, приготовить специально для Кинули обед из любимых её блюд, во-вторых — купить большой футбольный мяч. Подарить Кинули мячик придумал Толя. Он давно накопил денег, а тут, как назло, в самый последний момент мячей в магазинах не оказалось. Пришлось ехать искать. К вечеру всё уже было готово. Стоял накрытый стол. Маша дожаривала котлеты, а на диване лежали купленные для Кинули подарки. Среди них — новая миска, заводной автомобиль и три больших, готовых лопнуть, крепко надутых мяча: один Толин, два других прислали с поздравлениями незнакомые нам люди.

Скоро пришли гости.

Обедала в этот день Кинули с нами. Сидела на диване и осторожно лакала из миски лапшу. Миска стояла на столе. Но Кинули ела так аккуратно, что на белой скатерти не было ни одного пятнышка. Когда Кинули кончила, она вытянула лапу и, тихонько стуча по столу, попросила ещё. Но супу ей больше не дали, потому что в этот день Маша приготовила ей ещё котлеты и большую яичницу. После обеда прочли присланные ей письма с поздравлениями. Почти все они были от ребят и начинались так: «Милая Кинули, мы очень тебя любим и поздравляем с днём рождения».

Сначала Кинули слушала внимательно, потом ей надоело. Уж очень было много писем, да и яичница была съедена уже вся. Кинули соскочила с дивана и... прямо перед собой увидела мячи. Мячи лежали красивые, жёлтые, новые. Свой старый она разорвала давно, теперь же одним, прыжком рванулась к мячам, схватила их лапами, стараясь удержать. Мячи отскакивали, а Кинули, годовалая львица, забыв про всё на свете, гонялась за ними, как маленький котёнок. Невозможно было смотреть без смеха на её игру. Мячи разлетались по комнате, закатывались под стулья, столы, диван. Можно было подумать, что мебель ожила. Всё двигалось по комнате, и даже кровать, когда закатился под неё мяч, переехала на спине Кинули в другой конец комнаты.

Кинули так разыгралась, что её невозможно было унять. Хотели отнять мячи, но Кинули легла на них, обняла лапами и никак не хотела отдать. Догадалась Маша. Она позвала Пери и сделала вид, что хочет вывести её погулять. Кинули сразу бросила мячи и помчалась за собакой. Она не любила оставаться одна.

Сколько было постоянных мучений, когда нужно было вывести собаку погулять! Пери — из комнаты, а Кинули за ней. Отталкивает её лапой, не пускает. Приходилось хитрить. Я отвлекала Кинули ласками, Вася занимал место у двери, чтобы вовремя её закрыть, а Маша

хватала Пери и бежала с ней по коридору. Но похищение удавалось не всегда. Иногда Кинули вырывалась, мчалась за Машей, отнимала Пери и возвращалась на место, волоча за шиворот собаку. Называлось это «похищение Пери». Пери уже привыкла к такому обращению, покорно висела в зубах львицы и не сопротивлялась.

В зоопарке

Незаметно прошли зима, весна, наступило лето, а вместе с ним и пора отдавать Кинули в Зоопарк. И вовсе не потому, что она нам надоела или мешала. Совсем нет. Даже наоборот. Подрастая, Кинули становилась как-то послушнее, смирнее. Лучше, чем когда-нибудь, рассчитывала она силу своей лапы, остроту когтей величиною с палец. Играя, чуть-чуть дотрагивалась лапой, и не было случая, чтобы порвала хотя бы чулок. Не портила и вещи. Теперь Маша свободно оставляла на столе посуду, мясо, и Кинули ничего не трогала. Одним словом, держалась, как большая послушная собака.

Не изменилось её отношение и к Пери. Для собаки она осталась по-прежнему маленьким котёнком. Пери по пятам ходила за Кинули, как и раньше облизывала после еды морду львицы, заступалась за неё, ухаживала. Тем же платила ей и львица. Не было случая, чтобы она съела всё мясо, не оставив куска для собаки. Поэтому, когда кормили Кинули, Пери спокойно лежала в стороне. Иногда Кинули вспоминала и про нас. Брала измусоленную, изгрызенную кость, приносила мне или Васе и старательно пихала грязной костью в лицо, предлагая погрызть гостинец.

Не удивительно, что нам было очень жаль с ней расставаться. А расставаться было нужно. Милиция больше не разрешала держать львицу в квартире — всё-таки большая, народу много, вдруг кого-нибудь укусит!

И вот в Зоопарке, около площадки молодняка, начали строить для Кинули специальный домик. Когда он был готов, туда поставили стол, стулья, отгородили маленький дворик и большую площадку, где бы Кинули могла резвиться и играть.

Наступил и день отъезда. В этот день мы встали очень рано. Решили везти Кинули на машине, но никто не знал, как отнесётся она к этому. Ведь теперь это был взрослый, сильный зверь. Приготовиться решили заранее, до приезда машины. Надо было надеть ошейник, который сшили специально для переезда, проверить крепость ремня. И вот тут случилось то, чего никто из нас не ожидал. Не успела я даже поднести ошейник к шее львицы, как Кинули рыкнула, выбила его из рук лапой и отскочила. Оказывается, он был смазан дёгтем, и незнакомый запах испугал львицу. Чего мы только не придумывали! Смазывали ремень мясом, маслом — ничего не помогало. Даже когда надели ошейник на Пери и она хотела подойти к Кинули, та не подпустила её к себе. Пришлось срочно бежать за широким бинтом в аптеку и, сложив его в пять раз, сшить шлейку. Шлейку Кинули дала надеть сразу.

В десять часов приехала машина. Шофёр остановил её во дворе, и мы повели Кинули. Бедная кошка! Она так разволновалась, что даже не заметила, как поверх шлейки надели ещё ошейник. Вели втроём — Вася, Шура и я. Впереди шёл Толя с Пери. Ведь если кто-нибудь из нас отставал, Кинули ни за что не хотела идти дальше.

Так вышли мы из квартиры и спустились вниз, но вдруг Кинули внезапно испугалась, бросилась назад. Не выдержав рывка, лопнул ремень, и большая жёлтая львица, как трусишка котёнок, кинулась домой. Сорвать с крючка и открыть дверь было для неё делом минуты, так что, когда мы прибежали, она уже лежала в комнате под столом.

С большим трудом нам удалось её вывести и заманить в машину. Вася, Шура, я, маленький Толя и даже Пери все залегли в машину. Звали оттуда Кинули, манили. Долго ходила она вокруг и жалобно мяукала, прежде чем решилась войти. Войдя же в машину, сразу забралась на сиденье. Задними лапами придавила Васю, передними устроилась у меня на коленях и всю дорогу лежала спокойно.

В Зоопарке Кинули ждала залитая солнцем площадка и ранние посетители, знавшие о её переезде. Очутившись в новом, незнакомом месте, Кинули растерялась. Прижалась к земле, спрятала свою большую голову под Пери и мелко-мелко задрожала.

Эту ночь я провела с ней в клетке. Кинули то беспокойно металась по клетке, стараясь открыть лапами дверь, то вдруг настороженно прислушивалась к незнакомым звукам ночного зоопарка. Прошла ночь. Наступило утро. Утром я пошла домой. Кинули было рванулась за мной, долго билась головой о решётку и вдруг, поняв, что всё равно не выйти, вся как-то съежилась и легла.

Долго не поднималась с места и не ела Кинули. Смотрела поверх решётки, сквозь деревья, дома, заборы, куда-то вдаль ничего не видящими глазами. Всегда живые и выразительные, они теперь потускнели и напоминали, скорее, глаза мёртвого, чем живого зверя. Этот взгляд, полный какого-то тупого безразличия, пугал меня больше всего. Она, казалось, не узнавала даже меня. Иногда, после долгих уговоров, как будто машинально, брала из рук кусочки мяса. Изредка глотала, а большей частью кусочек повисал между клыками, потом падал, и Кинули даже не поворачивала головы.

На десятый день она начала подниматься. С трудом передвигалась она на ослабевших лапах, но уже начала интересоваться окружающими её животными, людьми. Мы навещали её каждый день. Как никогда, радовалась Кинули приходу Васи, Шуры, Толи. Тёрлась об их ноги, ласкалась.

Рано утром, когда парк еще был закрыт, я выводила её на прогулку. Выводила без ошейника. После переезда в Зоопарк Кинули ни за что не давала его на себя надеть. Приходилось выводить без привязи. Ходила она рядом, как большая послушная собака. Зато как удивлялись увидевшие её животные! Настороженные, готовые сразу умчаться, провожали её испуганными взглядами олени, легко перепрыгивая с камня на камень, исчезало за горой стадо туров, а слонёнок бросился сначала на Кинули, а потом, словно испугавшись собственной храбрости, прижался за домиком. Кинули проходила мимо и ни на кого не обращала внимания. Не обращала внимания и на звавшую её публику.

Около клетки Кинули всегда стояли посетители. Терпеливо, часами, ждали они, когда покажется львица из своего домика. Многие ходили каждый день, следили за её здоровьем. Никогда не забуду, как рано утром (не успел еще открыться парк) как к клетке Кинули прибежали три девочки. Первая, задыхаясь от сильного бега спросила:

— Как Кинули?

А когда узнала, что та поправляется, обернулась к отставшим подругам и весело крикнула им:

— Кинули поправляется!

Последний раз они видели Кинули больной, очень беспокоились и перед экзаменами прибежали её навестить.

Были и такие, которые беспокоились за меня. Если меня почему-либо не было на площадке, спрашивали служителя, не случилось ли чего. Интересовались, не боюсь ли я Кинули, не загрызёт ли она меня. Я отвечала им, что если и загрызёт, то после этого сама пропадёт от тоски.

И правда, несмотря на то, что Кинули жила теперь в клетке, она несколько не изменила своего отношения ко мне. Оставалась по-прежнему ласковой, ручной. Так же как и раньше, по приказанию ложилась, давала себя чесать гребешком, чистить щёткой. Я поднимала её за лапы, переворачивала на бок и даже таскала за хвост. Кинули терпела всё, лишь бы я подольше оставалась с ней в клетке. Иногда, если она не слушалась, я делала вид, что ухожу. Тогда Кинули бросалась за мной, ловила меня лапами и не давала уйти. Большие и острые когти у Кинули, но она никогда не делала ими больно. Осторожно выбирая из моих пальцев, брала она кусочки мяса, а когда я уходила, подолгу смотрела вслед, потом поднимала голову, и из её пасти вырывался львиный рык.

Прошло лето, наступила зима, стало холодно. Кинули и Пери перевели в зимнее помещение. Кинули теперь уже была совсем большая львица, и её посадили в клетку рядом с другими львами. Около её клетки всегда стояли любопытные. Все удивлялись, как такая большая львица живёт вместе с собакой. А жили Кинули с Пери очень дружно. Когда Кинули давали мясо, она всегда оставляла часть своей порции для Пери. А пока собака ела, львица охраняла её и не давала служителю вынимать остатки до тех пор, пока Пери не наестся.

Однажды Пери заболела. Она была уже старая собака, у неё болели ноги, и Пери не могла подниматься, Кинули страшно разволновалась. Почему Пери не встаёт? Почему не ест мясо? Кинули брала в зубы свою порцию, подносила её к Пери, мяукала, старалась приподнять собаку лапой. Но Пери не вставала. Тогда позвали врача. Врач хотел осмотреть Пери, но для этого нужно было её вынуть из клетки. Однако Кинули никак не хотела отдавать своего друга: каждый раз, когда хотели брать Пери, она рычала и бросалась на решётку, как дикая львица. Больших трудов стоило её переманить в другую клетку, и только тогда удалось взять Пери.

Когда Кинули увидела, что Пери взяли, она стала биться о решётку, старалась выскочить из клетки. В этот день Кинули ничего не ела, не притронулась к корму и на следующий день стала скучная, вялая, злая и никого к себе не подпускала. Она часто ревела, и её рёв не раз тревожил жителей Зоопарка. Слышала его и Пери. Она узнавала голос Кинули среди всех львиных голосов Зоопарка, настораживала свои острые уши и тихо, совсем тихо скулила.

Прошло два месяца. За это время Пери поправилась, окрепла и уже совсем хорошо стояла на ногах. Пора было её сажать обратно к Кинули. Кинули увидела Пери ещё издали. Насторожила уши и долго внимательно вглядывалась в неё. А как они обрадовались, когда снова очутились вместе! Кинули бросилась к Пери, мяукала и так тёрлась головой, что мы думали, она раздавит собаку. А собака, забыв о своих больных ногах и о своей старости, прыгала, как щенок, вокруг львицы. В этот день Кинули и Пери ели хорошо, ночью спали, прижавшись друг к другу, и никто больше не слышал тоскующего рёва Кинули.

Разлука

Подошёл июнь 1941 года. Началась война.

Теперь Зоопарк нельзя было узнать. Словно глубокие морщины, траншеи перерезали гладкие дорожки парка. Дощечки, на которых раньше было указано, как пройти к помещению со зверями, заменила краткая чёрная надпись: «Убежище». В городе начались воздушные

тревоги. Звери настороженно прислушивались к завыванию сирены, волновались, металась по клеткам, кричали. Особенно волновались львы. Их громкий рык смешивался с гулом первых вражеских самолётов, прорвавшихся к Москве.

В эту первую памятную ночь никто домой не ушёл, дежурили у зверей, гасили загоревшиеся помещения. К счастью, это были помещения не с животными, а то, вырвись звери на свободу, они могли бы наделать много бед. Надо было немедленно вывозить всех опасных зверей из Москвы.

Из львов решили оставить одну Кинули, потому что она была самая ручная и безопасная и, если бы даже выскочила из клетки, никого не тронула бы.

Несмотря на тяжёлое время, о ней по-прежнему заботились юные москвичи. Спрашивали, куда её прячут во время бомбёжки, советовали водить в метро. Когда зверей отправили в другие зоопарки, часть из них попала в Свердловск. Осенью я рассталась с Кинули и поехала в Свердловск, где продолжала работать в зоопарке. Всё свободное время проводила я в госпитале, дежурила, ухаживала за ранеными. В госпитале скоро узнали, что я работаю в зоопарке.

Нашлись и такие, которые слышали о Кинули. Просили рассказать о ней. Стоило мне начать что-нибудь делать, как начинались просьбы: «Сестрица, расскажите еще про львицу». С такими просьбами приходили раненые и из других палат. Из-за этого даже происходили споры:

— У вас свои сёстры есть, пускай вам и рассказывают, а нашу не беспокойте! — говорили раненые моей палаты.

Даже тяжелораненые интересовались жизнью Кинули, спрашивали, где она находится и что с ней.

В каждом письме из Москвы мне сообщали о Кинули, писали, что Кинули чувствует себя хорошо и что, хотя посетителей в Зоопарке почти не стало, около её клетки всегда кто-нибудь стоит. Потом написали, что болеет Пери, потом сообщили, что её не стало и Кинули теперь одна.

Встреча

И вот через полтора года я опять в Москве... В Зоопарке... Вот и помещение, где находится Кинули. Она лежала в углу клетки, ела мясо. Тут же было несколько посетителей.

Я подошла и стала рядом с ними. Стоявший около меня мужчина начал мне рассказывать о Кинули: о том, что она воспитывалась в доме, загнала на шкаф вора и ещё что-то из её жизни, но что именно, я даже не слушала. Я стояла рядом с Кинули и не решалась её окликнуть. Совсем не потому, что боялась быть неузнанной, совсем нет! Я ревниво думала: вдруг Кинули не захочет отойти от мяса, не сразу подойдёт ко мне, не будет так ласкаться, как раньше?

И вот я стою перед клеткой, смотрю на большую жёлтую львицу, на два таких знакомых пятнышка около её носа и совсем тихо, шёпотом, зову Кинули. Кинули услышала меня сразу. Она перестала есть, насторожилась и долго, пристально смотрела на меня. Потом встала, сделала несколько нерешительных шагов в мою сторону и остановилась.

Тут уж я не вытерпела:

— Кинули! Кинули! Кошечка!

Но не успела я произнести эти слова, не успела просунуть к ней в клетку руки, как Кинули бросилась ко мне. Она с такой силой ударилась о решётку, что из носа и губ у неё пошла кровь. Но она не обращала внимания на боль, всё ласкалась и ласкалась ко мне. Больше часа пробыла я с Кинули. Уже в конторе меня нагнал служитель львятника.

— Вера Васильевна, к Кинули зайдите, — просил он, — она вся избилась, кричит. Я ей мясо дал, а она не ест, всё на двери смотрит.

Пришлось вернуться. Кинули действительно не ела. Она то металась по клетке, то вдруг останавливалась, билась о решётку, кричала. Около её клетки собрались посетители. Все ласково уговаривали её успокоиться, а больше всех старался тот самый мужчина, который рассказывал о Кинули. Как только Кинули меня увидела, она бросилась сначала ко мне, потом к мясу. Схватила его в зубы и всё старалась просунуть мне сквозь решётку. Мне очень хотелось зайти в клетку и приласкать её, но сделать это было нельзя.

Позволили мне зайти к Кинули только через несколько дней и то с условием соблюдения всех предосторожностей. Для этого Кинули с утра перегнали в наружную клетку львятника. Приготовили крейцера, железные прутья, верёвочные петли, принесли резиновый шланг и включили воду.

Одним словом, когда в назначенный час я пришла, вокруг клетки лежали все приспособления, а Кинули металась по клетке и нервно рычала. Однако, увидев меня, она ласково протяжно замыкала, и не успела я приоткрыть клетку, как Кинули рванулась ко мне. Больших усилий стоило мне удержаться на ногах, так бурно ласкалась Кинули.

Теперь уже никто не сомневался, что Кинули меня никогда не забудет, а больше всех была в этом уверена сама я.